
ФИЛОСОФИЯ

УДК 141.72:165.7

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-2-197-207

«КАЛЕЙДОСКОП» ФЕМИНИСТСКИХ ЭПИСТЕМОЛОГИЙ*Игнатова Нина Юрьевна**Нижнетагильский технологический институт (филиал)**Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Нижний Тагил)*

Освещаются некоторые идеи феминистских эпистемологий XXI в.: скептицизм в отношении объективности, интерсекциональный подход, эпистемическая несправедливость и др. Рассмотрены понятия «герменевтический пробел», «газлайтинг» и «метаневежество». Приведены их импликации в высшем образовании. Используется термин «феминистские эпистемологии» во множественном числе, поскольку попытки угнетенных групп вернуть себе ценность собственного опыта не могут привести к существованию одной универсальной эпистемологии. Переосмысление понятий «знание», «знающий» в отношении женщин, инвалидов, представителей разных рас, сексуальных меньшинств стало основой развития трансэпистемологий, квир-эпистемологий, крипэпистемологий, эпистемологии сопротивления, эпистемологии невежества и др. Заслугой феминистских эпистемологий следует считать исследование ценностей и корыстных интересов привилегированных и угнетенных групп в производстве знаний, что позволяет расширить диапазон использования понятий «эпистемическая несправедливость», «эпистемическое преимущество» и «эпистемическое невежество». Ставится вопрос о том, что если власть может привести к эпистемическому невежеству, а угнетение, в свою очередь, к эпистемическому преимуществу, значит ли это, что знающие из маргинализованных групп обладают самым полным знанием? Несмотря на то что существует множество различных исследовательских позиций, ни одна из феминистских эпистемологий не выдвигает подобного упрощенного понимания связи власти и знания. Отношения между знанием и властью не могут быть описаны так, что ценность чьих-либо знаний будет увеличиваться по мере уменьшения власти угнетенных групп. Показано, что феминистские эпистемологии представляют собой «калейдоскоп» альтернативных или «маргинальных» эпистемологий. *Ключевые слова:* феминистские эпистемологии, интерсекциональный подход, эпистемическая несправедливость, эпистемическое преимущество, эпистемическое невежество, газлайтинг, герменевтический пробел.

«KALEIDOSCOPE» OF FEMINIST EPISTEMOLOGIES*Nina Yu. Ignatova**Nizhny Tagil Technological Institute (branch) of Ural Federal University (Nizhny Tagil)*

The paper explores the ideas of feminist epistemologies in the 21st century: skepticism about objectivity, intersectional approach, epistemic injustice, etc. The author investigates the concepts of a hermeneutic gap, gaslighting and meta-ignorance, and gives the implications of these terms in higher education. The term «feminist epistemologies» is used in the paper in the plural since the attempts of oppressed groups to return the value of their own experience cannot be manifested in the existence of the only one universal epistemology. Rethinking the concepts of «knowledge», «knowing» with regard to women, disabled people, representatives of different races, sexual minorities becomes the core for the development of trans-epistemology, queer-epistemology, creep-epistemology, epistemology of resistance, epistemology of ig-

norance, etc. A particular contribution of feminist epistemologies is the attention to values and vested interests of privileged and oppressed groups in the sphere of knowledge production, which allows expanding the use of the concepts of epistemic injustice, epistemic advantage, and epistemic ignorance. The author raises a question: if power can lead to epistemic ignorance, while oppression, in turn — to epistemological advantage, does it mean that knowers from marginalized groups have the most complete knowledge? While there are many different research positions, none of the feminist epistemologies puts forward such a simplistic understanding of the connection between power and knowledge. The author argues that the relationship between knowledge and power cannot be described in such a way that the value of one's knowledge will increase while the power of oppressed groups will decrease. The study shows that feminist epistemologies are a «kaleidoscope» of alternative or «marginal» epistemologies.

Keywords: feminist epistemology, intersectional approach, epistemic injustice, epistemic advantage, epistemic ignorance, gaslighting, hermeneutic gap.

Введение

Введенный Линдой Алкоф [Feminist Epistemologies, 1993] термин «феминистские эпистемологии» во множественном числе подразумевает обозначение широкого спектра идей: ситуативное знание, позиция и др. Феминистские эпистемологии ценят плюрализм, при этом не отделяют эпистемологию от этики или политики. Вопросы знания рассматриваются в связи с исследованиями правильного и неправильного, власти и угнетения. По мнению Патриции Коллинз, эпистемология «исследует стандарты, используемые для оценки знаний или того, почему мы верим в то, что считаем истинным. Далекая от того, чтобы быть аполитичным исследованием истины, эпистемология указывает на то, как отношения власти определяют, кому верят и почему» [Коллинз П., 2017, с. 15]. Если Сандра Хардинг выделяла такие виды феминистской эпистемологии, как социальный конструктивизм, позиционный подход, феминистский эмпиризм и постмодернистскую эпистемологию [Harding S.G., 1987], то в настоящее время феминистки исследуют особенности знаний любых угнетенных групп, разрабатывая критическую эпистемологию расы, постколониальную эпистемологию, эйблизм, гетеросексизм, спесишизм и т.д.

Цель статьи — осветить некоторые ключевые идеи современных феминистских эпистемологий. Автор сочла необходимым сосредоточиться на трансэпистемологии, крипэпистемологии, понятиях «эпистемическое преимущество», «эпистемическое невежество», «герменевтический пробел» и «газлайтинг», недостаточно освещенных в отечественной философии.

Изменение методологии феминистских исследований

Объектом пристального внимания отечественных философов и социологов стало кардинальное изменение методологии феминистских исследований — скептицизм в отношении объективности и понятие «интерсекциональности» [Труфанова О., 2017; Темкина А.А., Здравомыслова Е.А., 2017]. По словам Паулы Мойи, «всякое знание — это ситуативное знание»; никто не может «установить универсальные истины независимо от исторически и культурно конкретной ситуации» [Moyn P., 2011, p. 80]. Ситуативное знание означает, что знающий имеет позицию. Позиция знающего влияет на то, что он воспринимает, что игнорирует и как интерпретирует информацию. Эпистемическая позиция определяется социальным положением знающего [Haraway D., 1988] и рассматривается в связи множеством уровней власти. Соединение позиции и жизненного опыта привело феминистские эпистемологии к постановке вопроса, как меняются знания, когда меняется позиция. Несмотря на то что позиция меняется по мере того, как приобретается опыт, в любой момент у человека есть особая позиция. По мнению Патриции Уильямс, отказ от мифа об объективности и признание своей позиции способствует юридической и социальной ответственности, потому что «многое из того, что говорится так называемыми объективными, непосредственными голосами, на самом деле содержит в себе скрытые субъективности и непроверенные утверждения» [Williams P.J., 1991, p. 11]. Вслед за П. Уильямс можно сказать, что честное обладание своей позицией представля-

ет знающего более надежным, чем того, кто претендует на ложную объективность.

Часто взаимосвязанность феминистских эпистемологий с критической эпистемологией расы, постколониальными эпистемологиями, эпистемологиями инвалидности и квир-эпистемологиями описывается вслед за Кимберли Креншоу [Crenshaw K., 1988, 1991] как «интерсекциональность». В настоящее время термин «интерсекциональность» приобрел «онтологический и эпистемологический смысл: интерсекциональным является и сама социальная позиция и ее исследование», — считают отечественные социологи [Темкина А.А., Здравомыслова Е.А., 2017, с. 15]. Интерсекциональным называется место в социальном пространстве, механизм власти, порождающий это место, и позиция исследователя. Интерсекциональный подход представляет собой аналитический инструмент, позволяющий обозначить множество взаимосвязанных и комплексно действующих осей власти, пронизывающих многомерное социальное пространство. Этот объемный взгляд помогает уйти от плоских генерализаций, заставляет мыслить конкретно и ставить исследовательские вопросы по поводу сложного опыта субъектов.

Остановимся на работах А.А. Темкиной, И.Н. Тартаковской и Л. Эссиг. Эти работы иллюстрируют пересечение религиозной эпистемологии, квир-эпистемологии, антирасистской эпистемологии и феминистской эпистемологии. В исследовании А.А. Темкиной, посвященном трансформации сексуальных практик образованных женщин в Таджикистане, Армении и России в постсоветский период, демонстрируется, как этничность, возраст и гражданство связаны с образцами сексуального поведения и гендерными предписаниями [Темкина А.А., 2008]. И.Н. Тартаковская прямо заявляет, что опирается на интерсекциональный подход при изучении трудовых стратегий российских мужчин и женщин [Тартаковская И.Н., 2015, с. 86]. Л. Эссиг с помощью интерсекционального подхода освещает различные парадигмы гендерной инверсии в России, подчеркивая, что отношение к квир-сообществам в разных странах зависит не от исторических реалий, а от разных способов производства знаний [Эссиг Л., 2014, с. 5].

Интерсекциональный подход также применяется в эпистемологии сопротивления. Эпистемология сопротивления осмысляет эпистемические потребности угнетенных людей. Интерсекциональный подход позволяет объединить разное понимание эпистемических возможностей маргинализированных людей. Речь идет о способах конструирования знаний угнетенными группами, которые противостоят исключительному господству эпистемологий привилегированных и несправедливой динамике социальной власти. Доминирующие эпистемологии склонны воспроизводить и усиливать несправедливость социальной иерархии. Наряду с демонтажем исторически сложившихся эпистемических систем эпистемология сопротивления создает способы познания, уходящие корнями в исторически маргинализованные знания. Примером является квир-эпистемология Линн Б. Симпсон. Исследовательница обратилась к способам функционирования знаний у коренного народа нишнаабег, демонстративно отвергнутой эпистемологией поселенческого колониализма: «Земля выступает и контекстом, и процессом. Процесс познания направляется учеником и глубоко духовен по своей природе... “Теоретическое знание” постоянно генерируется и возрождается в каждой семье, сообществе и поколении людей. Оно тесно связано с духовным присутствием и эмоциями, оно контекстуально и определено отношениями. Это сокровенное и личное знание, когда люди сами несут ответственность за поиск и создание смысла своей собственной жизни. Самое главное, “теоретическое знание” предназначено не только для ученых, оно для всех... создается с нуля, и его сила проистекает из живого резонанса внутри людей и коллективов» [Simpson L.B., 2014, p. 7].

Уточнение понятий «гендер», «эпистемическое» преимущество и «эпистемическое невежество»

В последнюю четверть века феминистки активно разрабатывали и уточняли понятия, так или иначе связанные с эпистемологиями привилегированных и угнетенных групп, — «гендер», «эпистемическое преимущество» и «эпистемическое невежество». Р. Маккиннон задалась вопросом, что же эпистемически происходит при трансгендерном переходе. Радикальные изме-

нения гендерной идентичности принципиально изменяют доступность ресурсов знаний способами, которые не получили признания в современной эпистемологии. Социальное пространство меняется, и это приводит к иной эпистемической позиции в отношении, казалось бы, знакомых жизненных ситуаций [McKinnon R.V., 2015, p. 436].

В то время как опыт трансгендерного перехода может быть многим незнаком, переживание изменений способностей знакомо всем людям. Как указывает Р. Гарланд-Томсон, «большинство из нас будут становиться инвалидами в течение жизни» из-за болезни, травмы или просто старения [Garland-Thomson R., 2011]. Эпистемологии крипа изучают различные эпистемические проблемы инвалидности [Hall M.C., 2019], например, несоответствие «стандартного шаблона» архитектурного дизайна ограниченными возможностям инвалидов и пожилых [Hamraie A., 2013] или снижение уязвимости людей с ограниченными возможностями в инклюзивном обществе [Garland-Thomson R., 2016].

Одним из ключевых моментов феминистских эпистемологий является идея эпистемического преимущества маргинализованных групп. Когда общество отдает предпочтение привилегированной группе, считает главными знания, обычаи и нормы этой группы, угнетенные люди вынуждены свободно владеть знаниями привилегированной группы. Так возникает эпистемическое преимущество маргинализованных групп. Маргинализованный человек должен изучать знания доминирующей группы в дополнение к своим собственным, но не наоборот. Позиция эпистемического преимущества не обязательно удобна, безопасна или приносит удовлетворение, поскольку «решение критически осмыслить два контекста может привести к эпистемическому преимуществу, но, вероятно, потребует определенной цены» [Narayan U., 2000]. Доступность различных знаний и овладение способами производства знаний не гарантирует глубокого критического понимания, — важно то, что люди делают с этими знаниями.

Эпистемологии невежества обращаются к понятию «невежество, основанное на силе». Невежество, основанное на силе, — зонтичный термин для эпистемического невежества, свя-

занного с социальной властью. По мнению Х. Грассвик, невежество — это не результат пробела в знаниях, но преднамеренный выбор в пользу одних знаний за счет игнорирования других [Grasswick H., 2018]. Феминистские эпистемологии исследовали, как в доминирующей патриархальной культуре нормализуется незнание таких тем, как принудительная стерилизация, сексуальные домогательства, менструация, оргазм [Tuana N., 2006; Fricker M., 2007]. На модели невежества влияют многие факторы. Доминирующее социальное положение человека может породить интеллектуальную лень, «привилегию не знать или не нуждаться в знании» [Medina J., 2013, p. 32]. Х. Медина предлагает взглянуть на эпистемическую ответственность знающего. Невежество не просто случается. Важна ответственность знающего за исправление своего невежества. Коллективное невежество может быть не связано с выбором конкретного человека, оно может передаваться по наследству или нормализовываться в воспитании. Знающий должен прилагать усилия, чтобы бороться со своим невежеством. В противном случае «невнимание человека к невежеству, в котором он участвует, становится соучастием» [Medina J., 2013, p. 140]. Эпистемическое невежество далеко не невинно. Поэтому обсуждение различных форм невежества, порожденных различными формами социальной власти, может быть плодотворным.

Эпистемическое невежество усиливается, если активно действуют «привратники знаний». Высшее образование представляет собой пример существования эпистемического невежества. В любом вузе учебная программа состоит из обязательных основных и необязательных факультативных курсов. Решение о том, какие курсы будут основными, а какие факультативными по выбору, принимают «привратники знания» — люди, которые обладают властью решать, что считать валидным знанием. В высшем образовании «привратниками знания» выступают профессора, библиотекари и издатели. Именно они определяют, что важно в данном предмете, что считать надежным ресурсом или основным требованием к результату, следовательно, они определяют валидность знания. У студента также может быть выбор, например, он может выбрать курс, отвечающий заданным требованиям, но львиная доля ответственности

в любом случае лежит на «привратниках знания», тех, кто определяет эти требования.

М. Фрикер обогатила феминистский словарь понятием «эпистемическая несправедливость» [Fricker M., 2007]. Это понятие подразумевает индивидуальные межличностные взаимодействия, демонстрирующие несправедливость, а также крупные структуры неравенства в распределении или производстве знаний, поддерживаемые системой права, медициной и образованием. Об эпистемической несправедливости говорят в связи с определением достоверности используемых ресурсов, противостоящих исключительному господству доминирующих эпистемологий и несправедливой динамике социальной власти, которую эти эпистемологии склонны отражать и усиливать. М. Фрикер различает два типа эпистемической несправедливости: несправедливость свидетельства и герменевтическую несправедливость. В обеих формах эпистемической несправедливости знания человека оцениваются не по их собственным достоинствам, а обесцениваются или преувеличиваются в соответствии с социальной иерархией. Несправедливость свидетельства (доказательства) — форма эпистемической несправедливости, связанная с валидацией знания и доверием к нему в момент его производства. В этом случае задаются вопросы, что считать надежным источником знаний — знания экспертного сообщества или мирян [Тищенко П.Д., 2020; Шевченко С.Ю., 2020].

В свою очередь, герменевтическая несправедливость определяется ресурсами для осмысления опыта, в том числе собственной жизни. Знающие, занимающие привилегированное положение, не только обладают способностью игнорировать определенные ресурсы, они также имеют право их дискредитировать. Действительно, игнорирование и дискредитация часто взаимосвязаны. Привилегированные знающие могут утверждать, что знающие из угнетенных групп «делают из мухи слона», поэтому намеренно дискредитируют знания маргинализированных людей как неуместные, ненадежные или преувеличенные. Как заметила Лоррейн Код, суждения о доверии к знанию или его источникам применяются в разных социальных пространствах неравномерно [Code L., 1991]. Получатель знания может обесценить или «занизить» доверие, которое он приписывает зна-

ющему (или источнику знания), на основании несправедливых социальных предубеждений. Доверие может обесцениваться из-за множества различных оснований, включая пол, расу, образование, возраст, телосложение и язык. Доверие может быть также «раздуто» из-за несправедливого распределения социальной власти. В этом случае некоторым людям приписывается эпистемический авторитет больше, чем они этого заслуживают. Так, О. Яп проанализировала избыточный уровень достоверности доказательств в случаях сексуального насилия по отношению к представителям привилегированных групп [Yap A., 2017].

Метаневежество, газлайтинг и герменевтический пробел

Когда человек не знает о своем невежестве, возникает петля обратной связи. Х. Медина назвал это метаневежеством. К. Дотсон заметила, что «убедить людей в том, что они упускают что-то неотъемлемое, когда на самом деле они не могут обнаружить такие недостатки, — непростая задача» [Dotson K., 2014]. Столкнувшись с такими понятиями, как «изнасилование на свидании» или «белая привилегия», незнакомый с подобным опытом человек может воспринять это как вымысел. Но нормализованное метаневежество — обычное явление в науке и высшем образовании [Dotson K., 2012]. В частности, широко известно метаневежество узких специалистов, или игнорирование работ ученых-коллег из стран третьего мира западными учеными, или метаневежество белых феминисток. Несмотря на разговоры о росте инклюзивности и справедливости, «письмо, написанное рукой белой женщины», по-прежнему считается в феминистской философии более важным, даже если феминизм «подталкивает философию к тому, чтобы увидеть дальше, чтобы больше понять» [Ortega M., 2006].

Обсуждение термина «газлайтинг» проливает свет на вопросы доверия к применяемым доказательствам и несправедливости применения доказательств. Газлайтинг — намеренные действия по разрушению уверенности знающего относительно надежности собственных знаний, подрыв его доверия к собственному восприятию реальности. «Ты слишком остро реагируешь»; «это все в твоей голове»; «ну, вот опять» — эти фразы ассоциируются с газлай-

тингом. Согласно анализу Кейт Абрамсон, «газлайтинг направлен на то, чтобы заставить другого не воспринимать себя всерьез как знающего» [Abramson K., 2014, p. 2]. В структурном насилии газлайтинг воспроизводит системную несправедливость, связанную с превосходством доминирующих групп и женоненавистничеством [Ruiz E., 2020]. В повседневном обиходе газлайтинг может использоваться как средство манипулирования [Spear A., 2020]. Однако эпистемический газлайтинг отличается от исправления ошибок восприятия. Эпистемический газлайтинг — это не только дискредитация восприятия собеседника; ведь не обязательно говорить «я вам не верю», и не обязательно советовать какому-то третьему лицу не верить доказательствам данного человека. Определяющим элементом газлайтинга является подрыв уверенности в себе как в знающем: не «я вам не верю», а «вы не должны верить себе». Наконец, газлайтинг носит адресный характер: речь идет не о том, чтобы поставить под сомнение достоверность любых знаний как таковых, но только ресурсы знаний конкретного человека, обычно из угнетенных групп. В случае газлайтинга кто-то пытается убедить другого, что человек должен доверять чужому восприятию больше, чем собственному.

Рассмотрение герменевтической несправедливости связано с исследованием недостатков применяемого герменевтического подхода. Герменевтическая несправедливость, по М. Фрикер, возникает, когда существует герменевтический пробел. Герменевтический пробел в ресурсах позволяет злоупотреблять властью, поскольку в этом случае конкретная социальная структура предлагает строго определенные ресурсы для конструирования знаний. М. Фрикер приводит пример отсутствия в истории термина «сексуальные домогательства». Боссы подвергали сотрудников сексуальным домогательствам задолго до того, как был введен термин «сексуальные домогательства», но, по словам М. Фрикер, пострадавшим сотрудникам не хватало знаний, чтобы осмыслить свой опыт и обвинить боссов. М. Фрикер определяет это как пробел в коллективных герменевтических ресурсах и утверждает, что такой пробел был частью эпистемической несправедливости по отношению к сотрудникам, ставшим жертвами сексуальных домогательств.

По мнению К. Дотсон, характеристика, которую дала М. Фрикер коллективным герменевтическим ресурсам, «не учитывает альтернативные эпистемологии, которые существуют в герменевтически маргинализованных сообществах» [Dotson K., 2012, p. 31]. Несмотря на то что у знающих может быть пробел в знаниях, важно другое. Возвращаясь к идее невежества, основанного на силе, К. Дотсон заявила, что привилегированная группа знающих может не подозревать о знаниях, разработанных угнетенными группами. Это не недостаток коллективных герменевтических ресурсов человечества, но недостаток знаний или герменевтических ресурсов некоторых людей, находящихся у власти. То, что привилегированное сообщество чего-то не знает, не означает, что этих знаний не существует. Концептуальные словари развивались на протяжении поколений и продолжают развиваться сегодня. Между тем, обладатели доминирующего положения в «мейнстримной» культуре могут не иметь базового представления о языке угнетенных групп. Если доминирующие герменевтические ресурсы могут оказаться недостаточными для осмысления несправедливости, более полезными оказываются герменевтические ресурсы, используемые в маргинализованных сообществах. Маргиналы создают и используют эти ресурсы и знания независимо от того, признают ли их привилегированные группы или нет [Dotson K., 2014].

Обсуждение

Многие из перечисленных концепций были встречены с недоверием. Подчеркивались логическая парадоксальность полученных феминистками выводов [Rolin K., 2006], несоответствие декларируемых целей идеалам научности [Труфанова Е.О., 2017], невозможность избежать известных превратностей эпистемологического релятивизма [Laudan L., 1990]. Кардинальное изменение методологии теоретических и полевых исследований, фундированное интерсекциональным подходом, вызвало противоречивую реакцию. Наряду с обвинениями в пренебрежении научным методом и отказом от беспристрастности исследователя [Rolin K., 2021] указывается, что интерсекциональный подход позволяет обратить внимание на многократно угнетаемые группы коренных народов

или выходцев из стран третьего мира [Stockdale K., 2021].

Заслугой феминистских эпистемологий следует считать внимание к ценностям и корыстным интересам в производстве знаний привилегированных групп, к «попыткам угнетенных групп вернуть себе ценность собственного опыта» [Narayan U., 2000]. Феминистские эпистемологи ставят задачу ликвидации любых видов угнетения в границах расы, класса, способностей, статуса, гендерной идентичности, сексуальности и других маркеров маргинализованной, угнетенной и поработанной идентичности. Если власть может привести к эпистемическому невежеству, а угнетение, в свою очередь, к эпистемологическому преимуществу, означает ли это, что знающие из маргинализованных групп обладают самым полным знанием? Несмотря на то что существует множество различных исследовательских позиций, ни одна из феминистских эпистемологий не выдвигает подобного упрощенного понимания связи власти и знания. Отношения между знанием и властью не могут быть описаны так, что ценность чьих-либо знаний будет увеличиваться по мере уменьшения власти групп знающих.

К. Дотсон отталкивается от идеи множества коллективных герменевтических ресурсов. Х. Медина [Medina J., 2012, 2013] выступает за «калейдоскопический» подход, характеризующийся «партизанским плюрализмом» и конструктивными «эпистемическими сражениями». Несмотря на различия в деталях, общим в подходах П. Коллинз, К. Дотсон и Х. Медины можно считать конструирование знаний путем объединения множества позиций и ресурсов в диалоге. Приверженность плюрализму позиций и диалогу является краеугольным камнем феминистских эпистемологий независимо от того, какую метафору использует философ, — «калейдоскоп», «гобелен», «стеклянный потолок» или что-то еще. Подобный подход требует особой методологии исследования — интерсекционального подхода.

Феминистские эпистемологии ценят объединение нескольких позиций и совместное построение знаний. По мнению П. Коллинз, группы знающих делятся собственными ситуативными знаниями друг с другом, причем каждая группа использует уникальные эпистемические подходы и заявляет о своей особой позиции.

Открытое признание собственной позиции не умаляет знающего или его знаний, поскольку критерием достоверности знания служит социальное пространство сверстников. В группе сверстников каждый воспринимает свою собственную истину как частичную, участники группы признают зависимость от других: «Каждая группа становится более способной учитывать точки зрения других групп, не отказываясь от уникальности своей собственной точки зрения или подавляя частичные точки зрения других групп» [Коллинз П., 2017, с. 16]. Феминистские эпистемологи описывают этот процесс как диалог и сотрудничество, что может вызвать образ группы дискутирующих в реальном времени людей. Это один из способов, но определенно не единственный, и действительно, если бы это был единственный путь, многие феминистки поспешили бы подвергнуть критике то, что он ограничивает доступ к знаниям и отдает предпочтение одним знающим перед другими. Феминистки думают о диалоге и сотрудничестве в широком смысле, анализируя в том числе комментарии в социальных сетях, СМС, создание произведения искусства в ответ на работу другого художника, чтение книги и размышление над ней. Даже опыт созерцания, который обычно требует уединения, может быть частью процесса совместного построения знаний.

Заключение

Феминистские эпистемологии представляют собой «калейдоскоп» альтернативных или «маргинальных» эпистемологий. К ним относятся критическая эпистемология расы, квир-эпистемологии, трансэпистемологии, крипэпистемологии (инвалидности), эпистемологии сопротивления, религиозные эпистемологии и др. Многие исследователи предпочитают избегать понятия «эпистемология» в единственном числе, полагая, что такое использование слова подкрепляет миф, что работы нескольких белых философов являются настоящей философией, при этом любой другой подход называется «маргинальным». Исследование причин этого выходит за рамки данной статьи. Важно признать, что взаимосвязанное обсуждение феминистских идей не заменит целостного рассмотрения любой из вышеупомянутых эпистемологий, каждая из которых могла бы стать темой

отдельной статьи. Для феминисток в XXI в. важны проблемы, с которыми сталкиваются женщины всех демографических групп. Несомненно, по мере того как во всем мире меняются эти проблемы, феминистские взгляды также будут меняться.

Список литературы

Коллинз П. Репрезентация афроамериканских женщин. Интервью с Патрицией Хилл Коллинз // Глобальный диалог. 2017. Т. 7, вып. 1. С. 15–16.

Тартаковская И.Н. Воспроизводство гендерного порядка через карьерные стратегии: попытка интересекционального анализа // Социологические исследования. 2015. № 5. С. 84–93.

Темкина А.А. Сексуальная жизнь женщины: между свободой и подчинением. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2008. 376 с.

Темкина А.А., Здравомыслова Е.А. Интерсекциональный поворот в гендерных исследованиях // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. 20, № 5. С. 15–38. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2017.20.5.2>

Тищенко П.Д. Эпистемическая несправедливость как системная коммуникативная дисфункция // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57, № 2. С. 42–47. DOI: <https://doi.org/10.5840/eps202057219>

Труфанова Е.О. «Ситуационное знание» и идеал объективности в науке // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 54, № 4. С. 99–110. DOI: <https://doi.org/10.5840/eps201754475>

Шевченко С.Ю. «Презирать и подсказывать»: эпистемическая несправедливость и контр-экспертиза // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57, № 2. С. 20–32. DOI: <https://doi.org/10.5840/eps202057217>

Эсиг Л. «Сердца геев надо зарывать в землю»: размышления об охоте на гомосексуалов в России // На перепутье: методология, теория и практика ЛГБТ и квир-исследований: сб. ст. / под ред. А.А. Кондакова. СПб.: ЦНСИ, 2014. С. 3–23.

Abramson K. Turning up the Lights on Gaslighting // Philosophical Perspectives. 2014. Vol. 28, iss. 1, P. 1–30. DOI: <https://doi.org/10.1111/phpe.12046>

Code L. What Can She Know? Feminist Theory and Construction of Knowledge. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1991. 368 p. DOI: <https://doi.org/10.7591/9781501735738>

Crenshaw K. Mapping the Margins: Intersectionality, Identity Politics, and Violence against Women of Color // Stanford Law Review. 1991. Vol. 43,

no. 6. P. 1241–1299. DOI: <https://doi.org/10.2307/1229039>

Crenshaw K. Race, Reform, and Retrenchment: Transformation and Legitimation in Antidiscrimination Law // Harvard Law Review. 1988. Vol. 101, no. 7. P. 1331–1387. DOI: <https://doi.org/10.2307/1341398>

Dotson K. A Cautionary Tale: On Limiting Epistemic Oppression // Frontiers: A Journal of Women Studies. 2012. Vol. 33, no. 1. P. 24–47. DOI: <https://doi.org/10.5250/fronjwomestud.33.1.0024>

Dotson K. Conceptualizing Epistemic Oppression // Social Epistemology. 2014. Vol. 28, iss. 2. P. 115–138. DOI: <https://doi.org/10.1080/02691728.2013.782585>

Feminist Epistemologies / ed. by L. Alcoff, E. Potter. N.Y.: Routledge, 1993. 324 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203760093>

Fricker M. Epistemic Injustice: Power and the Ethics of Knowing. Oxford, UK: Oxford University Press, 2007. 208 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198237907.001.0001>

Garland-Thomson R. «Becoming Disabled» // The New York Times. 2016. Aug. 19. URL: <https://www.nytimes.com/2016/08/21/opinion/sunday/becoming-disabled.html> (accessed: 01.02.2022).

Garland-Thomson R. Misfits: A Feminist Materialist Disability Concept // Hypatia. 2011. Vol. 26, iss. 3. P. 591–609. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1527-2001.2011.01206.x>

Grasswick H. Feminist Social Epistemology // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / ed. by E.N. Zalta. (Fall 2018 ed.). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2018/entries/feminist-social-epistemology/> (accessed: 01.02.2022).

Hall M.C. Critical Disability Theory // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / ed. by E.N. Zalta. (Winter 2019 ed.). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2019/entries/disability-critical/> (accessed: 01.02.2022).

Hamraie A. Designing Collective Access: A Feminist Disability Theory of Universal Design // Disability Studies Quarterly. 2013. Vol. 33, no. 4. URL: <https://dsq-sds.org/article/view/3871> (accessed: 01.02.2022). DOI: <https://doi.org/10.18061/dsq.v33i4.3871>

Haraway D. Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective // Feminist Studies. 1988. Vol. 14, no. 3. P. 575–599. DOI: <https://doi.org/10.2307/3178066>

Harding S.G. Introduction. Is there a Feminist Method? // Feminism and Methodology / ed. by S.G. Harding. Bloomington, IN: Indiana University

Press, 1987. P. 1–14.

Laudan L. Demystifying Underdetermination // *Scientific Theories* / ed. by C. Wade Savage. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1990. P. 267–297.

McKinnon R.V. Trans*formative Experiences // *Res Philosophica*. 2015. Vol. 92, iss. 2. P. 419–440. DOI: <https://doi.org/10.11612/resphil.2015.92.2.12>

Medina J. Hermeneutical Injustice and Polyphonic Contextualisms: Social Silences and Shared Hermeneutical Responsibilities // *Social Epistemology*. 2012. Vol. 26, iss. 2. P. 201–220. DOI: <https://doi.org/10.1080/02691728.2011.652214>

Medina J. The Epistemology of Resistance: Gender and Racial Oppression, Epistemic Injustice, and Resistant Imaginations. N.Y.: Oxford University Press, 2013. 352 p.

Moya P. Who We Are and From Where We Speak // *TRANSMODERNITY: Journal of Peripheral Cultural Production of the Luso-Hispanic World*. 2011. Vol. 1, iss. 2. P. 79–94. DOI: <https://doi.org/10.5070/t412011809>

Narayan U. Undoing the «Package Picture» of Cultures // *Signs: Journal of Women in Culture and Society*. 2000. Vol. 25, iss. 4. P. 1083–1086. URL: <https://www.jstor.org/stable/3175491> (accessed 01.02.2022). DOI: <https://doi.org/10.1086/495524>

Ortega M. Being Lovingly, Knowingly Ignorant: White Feminism and Women of Color // *Hypatia*. 2006. Vol. 21, iss. 3. P. 56–74. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1527-2001.2006.tb01113.x>

Rolin K. Objectivity, trust and social responsibility // *Synthese*. 2021. Vol. 199, iss. 2, P. 513–533. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11229-020-02669-1>

Rolin K. The Bias Paradox in Feminist Standpoint Epistemology // *Episteme*. 2006. Vol. 3, iss. 1–2. P. 125–136. DOI: <https://doi.org/10.3366/epi.2006.3.1-2.125>

Ruíz E. Cultural Gaslighting // *Hypatia*. 2020. Vol. 35, iss. 4. P. 687–713. DOI: <https://doi.org/10.1017/hyp.2020.33>

Simpson L.B. Land as Pedagogy: Nishnaabeg Intelligence and Rebellious Transformation // *Decolonization: Indigeneity, Education & Society*. 2014. Vol. 3, no. 3. URL: <https://jps.library.utoronto.ca/index.php/des/article/view/22170> (accessed: 01.02.2022).

Spear A. Gaslighting, Confabulation, and Epistemic Innocence // *Topoi*. 2020. Vol. 39, iss. 1. P. 229–241. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11245-018-9611-z>

Stockdale K. Hope under Oppression. N.Y.: Oxford University Press, 2021. 232 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780197563564.001.0001>

Tuana N. The Speculum of Ignorance: Women's

Health Movement and Epistemologies of Ignorance // *Hypatia*. 2006. Vol. 21, iss. 3. P. 1–19. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1527-2001.2006.tb01110.x>

Williams P.J. The Alchemy of Race and Rights. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1991. 272 p.

Yap A. Credibility Excess and the Social Imaginary in Cases of Sexual Assault // *Feminist Philosophy Quarterly*. 2017. Vol. 3, no. 4. URL: <https://ojs.lib.uwo.ca/index.php/fpq/article/view/3098> (accessed: 01.02.2022). DOI: <https://doi.org/10.5206/fpq/2017.4.1>

Получена: 22.02.2022. Принята к публикации: 30.04.2022

References

Abramson, K. (2014). Turning up the lights on gaslighting. *Philosophical Perspectives*. Vol. 28, iss. 1, pp. 1–30. DOI: <https://doi.org/10.1111/phpe.12046>

Alcoff, L. and Potter, E. (eds.) (1993). *Feminist epistemologies*. New York: Routledge Publ., 324 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203760093>

Code, L. (1991). *What can she know? Feminist theory and construction of knowledge*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 368 p. DOI: <https://doi.org/10.7591/9781501735738>

Collins, P. (2017). [Representation of African American women. Interview with Patricia Hill Collins]. *Global'nyy dialog [Global Dialogue]*. Vol. 7, iss. 1, pp. 15–16.

Crenshaw, K. (1988). Race, reform, and retrenchment: Transformation and legitimation in antidiscrimination law. *Harvard Law Review*. Vol. 101, no. 7, pp. 1331–1387. DOI: <https://doi.org/10.2307/1341398>

Crenshaw, K. (1991). Mapping the margins: intersectionality, identity politics, and violence against women of Colo. *Stanford Law Review*. Vol. 43, no. 6, pp. 1241–1299. DOI: <https://doi.org/10.2307/1229039>

Dotson, K. (2012). A cautionary tale: on limiting epistemic oppression. *Frontiers: A Journal of Women Studies*. Vol. 33, no. 1, pp. 24–47. DOI: <https://doi.org/10.5250/fronjwomestud.33.1.0024>

Dotson, K. (2014) Conceptualizing epistemic oppression. *Social Epistemology*. Vol. 28, iss. 2, pp. 115–138. DOI: <https://doi.org/10.1080/02691728.2013.782585>

Essig, L. (2014). [«Bury their hearts»: some thoughts on the spectre of homosexuality haunting in Russia]. *Na pereput'e: metodologiya, teoriya i praktika LGBT i kvir-issledovaniy, pod red. A.A. Kondakov* [A.A. Kondakov (ed.) On the crossroads: methodology, theory and practice of LGBT and queer studies].

St. Peterburg: CISR Publ., pp. 3–23.

Fricker, M. (2007). *Epistemic injustice: power and the ethics of knowing*. Oxford, UK: Oxford University Press, 208 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198237907.001.0001>

Garland-Thomson, R. (2011). Misfits: a feminist materialist disability concept. *Hypatia*. Vol. 26, iss. 3, pp. 591–609. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1527-2001.2011.01206.x>

Garland-Thomson, R. (2016). «Becoming disabled». *The New York Times*, Aug. 19. Available at: <https://www.nytimes.com/2016/08/21/opinion/sunday/becoming-disabled.html> (accessed 01.02.2022).

Grasswick, H. (2018). Feminist social epistemology. E.N. Zalta (ed.) *The Stanford encyclopedia of philosophy*. Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2018/entries/feminist-social-epistemology/> (accessed 01.02.2022).

Hall, M.C. (2019). Critical disability theory. E.N. Zalta (ed.) *The Stanford encyclopedia of philosophy*. Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/win2019/entries/disability-critical/> (accessed 01.02.2022).

Hamraie, A. (2013). Designing collective access: a feminist disability theory of universal design. *Disability Studies Quarterly*. Vol. 33, no. 4. Available at: <https://dsq-sds.org/article/view/3871> (accessed 01.02.2022). DOI: <https://doi.org/10.18061/dsq.v33i4.3871>

Haraway, D. (1988). Situated knowledges: the science question in feminism and the privilege of partial perspective. *Feminist Studies*. Vol. 14, no. 3, pp. 575–599. DOI: <https://doi.org/10.2307/3178066>

Harding, S.G. (1987). Introduction. Is there a Feminist Method? *Feminism and Methodology*. Bloomington, IN: Indiana University Press, pp. 1–14.

Laudan, L. (1990). Demystifying underdetermination. C. Wade Savage (ed.) *Scientific Theories*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, pp. 267–297.

McKinnon, R.V. (2015). Trans*formative experiences. *Res Philosophica*. Vol. 92, iss. 2, pp. 419–440. DOI: <https://doi.org/10.11612/resphil.2015.92.2.12>

Medina, J. (2012). Hermeneutical injustice and polyphonic contextualisms: social silences and shared hermeneutical responsibilities. *Social Epistemology*. Vol. 26, iss. 2, pp. 201–220. DOI: <https://doi.org/10.1080/02691728.2011.652214>

Medina, J. (2013). *The epistemology of resistance: gender and racial oppression, epistemic injustice, and resistant imaginations*. New York: Oxford University Press, 352 p.

Moya, P. (2011). Who we are and from where we

speak. *TRANSMODERNITY: Journal of Peripheral Cultural Production of the Luso-Hispanic World*. Vol. 1, iss. 2, pp. 79–94. DOI: <https://doi.org/10.5070/t412011809>

Narayan, U. (2000). Undoing the «Package Picture» of Cultures. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*. Vol. 25, iss. 4, pp. 1083–1086. Available at: <https://www.jstor.org/stable/3175491> (accessed 01.02.2022). DOI: <https://doi.org/10.1086/495524>

Ortega, M. (2006). Being lovingly, knowingly ignorant: white feminism and women of color. *Hypatia*. Vol. 21, iss. 3, pp. 56–74. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1527-2001.2006.tb01113.x>

Rolin, K. (2006). The bias paradox in feminist standpoint epistemology. *Episteme*. Vol. 3, no. 1–2, pp. 125–136. DOI: <https://doi.org/10.3366/epi.2006.3.1-2.125>

Rolin, K. (2021). Objectivity, trust and social responsibility. *Synthese*. Vol. 199, iss. 2, pp. 513–533. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11229-020-02669-1>

Ruiz, E. (2020). Cultural gaslighting. *Hypatia*. Vol. 35, iss. 4, pp. 687–713. DOI: <https://doi.org/10.1017/hyp.2020.33>

Simpson, L.B. (2014). Land as pedagogy: Nishnaabeg intelligence and rebellious transformation. *Decolonization: Indigeneity, Education & Society*. Vol. 3, no. 3. Available at: <https://jps.library.utoronto.ca/index.php/des/article/view/22170> (accessed 01.02.2022).

Shevchenko, S.Yu. (2020). [Incline and admonish: epistemic injustice and counter-expertise]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology & Philosophy of Science]. Vol. 57, no. 2, pp. 20–32. DOI: <https://doi.org/10.5840/eps202057217>

Spear, A. (2020). Gaslighting, confabulation, and epistemic innocence. *Topoi*. Vol. 39, iss. 1, pp. 229–241. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11245-018-9611-z>

Stockdale, K. (2021). *Hope under oppression*. New York: Oxford University Press, 232 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780197563564.001.0001>

Tartakovskaya, I.N. (2015). [The gender order reproduction via career strategies: Intersectional analyses]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. Vol. 5, pp. 84–93.

Temkina, A.A. (2008). *Seksual'naya zhizn' zhenschiny: mezhdru svobodoy i podchineniem* [Sexual life of women: between freedom and submission]. St. Petersburg: EUSP Press, 376 p.

Temkina, A.A. and Zdravomyslova, E.A. (2017). [Intersectional turn in gender studies]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 20, no. 5,

pp. 15–38. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2017.20.5.2>

Tischenko P.D. (2020). [Epistemic injustice as systemic communicative dysfunction]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology & Philosophy of Science]. Vol. 57, no. 2, pp. 42–47. DOI: <https://doi.org/10.5840/eps202057219>

Trufanova, E.O. (2017). [«Situated knowledge» and the ideal of objectivity in science]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology & Philosophy of Science]. Vol. 54, no. 4, pp. 99–110. DOI: <https://doi.org/10.5840/eps201754475>

Tuana, N. (2006). The speculum of ignorance: women's health movement and epistemologies of ignorance. *Hypatia*. Vol. 21, iss. 3, pp. 1–19. DOI:

<https://doi.org/10.1111/j.1527-2001.2006.tb01110.x>
Williams, P.J. (1991). *The alchemy of race and rights*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 272 p.

Yap, A. (2017). Credibility excess and the social imaginary in cases of sexual assault. *Feminist Philosophy Quarterly*. Vol. 3, no. 4. Available at: <https://ojs.lib.uwo.ca/index.php/fpq/article/view/3098> (accessed: 01.02.2022). DOI: <https://doi.org/10.5206/fpq/2017.4.1>

Received: 22.02.2022. Accepted: 30.04.2022

Об авторе

Игнатова Нина Юрьевна

доктор философских наук, доцент,
профессор Департамента гуманитарного
и социально-экономического образования

Нижнетагильский технологический институт
(филиал) Уральского федерального университета
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
622013, Свердловская обл., Нижний Тагил,
ул. Красногвардейская, 59;
e-mail: nina1316@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0563-5422>
ResearcherID: AAG-4874-2020

About the author

Nina Yu. Ignatova

Doctor of Philosophy, Docent,
Professor of the Department of Humanitarian
and Social and Economic Education

Nizhny Tagil Technological Institute (Branch)
of Ural Federal University,
59, Krasnogvardeyskaya st., Nizhny Tagil,
Sverdlovsk Oblast, 622013, Russia;
e-mail: nina1316@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0563-5422>
ResearcherID: AAG-4874-2020

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Игнатова Н.Ю. «Калейдоскоп» феминистских эпистемологий // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 2. С. 197–207. DOI: [10.17072/2078-7898/2022-2-197-207](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-2-197-207)

For citation:

Ignatova N.Yu. [«Kaleidoscope» of feminist epistemologies]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 2, pp. 197–207 (in Russian). DOI: [10.17072/2078-7898/2022-2-197-207](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-2-197-207)